

Кино тонет, не понимая этого

АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН СТРЕМИТСЯ ПОНЯТЬ, ХОЧЕТ ЛИ ОН ЕЩЕ СНИМАТЬ ФИЛЬМЫ

ВСТРЕЧА

Ефим БАРБАН
собкор «МН», Лондон

В Лондоне прошел ретроспективный фестиваль кинофильмов Алексея Германа и его сына Алексея Германа-младшего, организованный фондом лондонского Пушкинского Дома — культурного центра российской общины в Великобритании. Впервые британские зрители смогли познакомиться со всеми фильмами выдающегося российского кинорежиссера — от «Двадцати дней без войны» до «Хрусталева, машину!». По завершении фестиваля Алексей ГЕРМАН дал эксклюзивное интервью «МН».

— Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в российском кино?

— Кино в России находится в трудном положении. И не потому, что у нас выпускаются только плохие фильмы, а потому, что в стране возникла ситуация, когда человек тонет, но еще не понимает, что тонет. Когда-то у нас существовал кинематограф, в котором работали Тарковский, Иоселиани, было прекрасное грузинское кино, белорусский кинематограф, снимались замечательные артисты. Сейчас ничего этого нет, а есть гром из телевизора о наших неслыханных победах в кино: «Мы получили 19 миллионов долларов кассового сбора, 22 миллиона долларов за картину!» По голливудским меркам это мизер и провал, и это при том, что картина-то плохая. Парадокс даже не в том, что парадокс уже утонул, а в том, что мы не

замечаем дырок в трюме и при этом кричим, что на большой скорости на страх врагам несемся в открытое море. Талантливых ребят заставляют снимать то, что будут смотреть. Это естественно, но добейтесь от них какого-то художественного уровня. Пусть наши режиссеры следуют голливудским рецептам, но в США при всем том есть такие, в общем, хорошие картины, как «Однажды в Америке», «Полночный ковбой». У нас ничего подобного нет. Да и артисты вырождаются. Одни состарились, другие вымерли. Но даже если в наше время хороший артист и востребован, он мгновенно теряет силу и форму просто потому, что вынужден сниматься в бесконечной череде сериалов. И на артистку, которую я очень люблю, Елену Яковлеву, я уже не могу смотреть, потому что она все из себя сыграла. Надо быть осторожной. Но разве это объяснишь человеку, которому наконец-то подфартило? По всем этим причинам мы стали свидетелями грандиозного очковитирательства — вещь, свойственная нашей стране и разоблаченная в свое время Хрущевым, когда в Я-

занской области на мясо был сдан весь молочный скот, зато поставлен небывалый рекорд. Вот примерно в такой ситуации существует наш кинематограф. А по телевизору нам кричат: «Смотрите лучший в мире сериал, лучшее прочтение литературной классики!» Думаю, появись у нас сейчас Пушкин, его бы не стали печатать. Напиши свои пьесы Чехов в наше время, их бы не ставили. Кто сейчас пошел бы на «Три сестры», если бы не знал, что это Чехов и надо на него ходить? Все это происходит на фоне общей культурной деградации.

— Однако при всем этом вы уже много лет снимаете картину, которую на первый взгляд можно отнести к жанру «фэнтези». Соотносится ли «Трудно быть богом» с нынешней российской действительностью?

— За время съемок, которые длятся шесть лет, в нашей стране очень многое изменилось. Все это время над нами висел страх: то мы боялись, что возвратятся большевики во главе с Зюгановым, и во время выборов я спасался в Праге у своих друзей, потому что решил — в случае прихода к власти коммунистов не вернуться в Россию. Сейчас доста-

точно реален приход к власти нацистов, националистов, кого угодно — того самого Черного ордена, который фигурирует в моем фильме и который главный герой Румата уничтожил, погубив себя. Как сказал мой талантливый редактор, «у нас коровье бешенство плавно перешло в атипичную пневмонию, которая, в свою очередь, так же плавно перешла в «птичий грипп». Мы все время плавно переходим из одного ужаса в другой. В моей картине Румата прозвал один из ужасов, и я рассказываю, что из этого вышло. Думаю, что мы все же назовем фильм не «Трудно быть богом», а как-то по-другому. Повесть Стругацких — типичная вещь шестидесятников, в которой говорится, что жизнь надо слегка подправить, и все будет хорошо. Однако Румата попытался чуть исправить реальность, пустил чудовищную кровь, но люди как жили, так и живут.

— Не связан ли ваш пессимизм с тем, что исчез ваш зритель? Тех, кто сегодня ходит в кино, не интересуют моральные и духовные проблемы, которые вы ставите в своих фильмах.

— Поверьте, что я могу снимать фильмы, на которые пойдет массовый зритель. Мой отец говорил, что профессиональный писатель обязан уметь написать очерк, рассказ, повесть и роман. К примеру, «Проверка на дорогах» — это ведь нормальный вестерн. Я могу снимать вестерны, на которые люди пойдут и будут пугаться. Но я не убежден, что мне это будет интересно. Вот в чем фокус. Есть какие-то предложения снимать, но меня они не трогают. В том числе от американцев, одно из них сулило хорошие деньги, и большие силы могли быть задействованы. Мне предложили снять ремейк «Лапшина» на американском материале. Мы со Светланой (Светлана Кармалита — жена, сценарист фильмов Германа. — Ред.) отказались: без Сталина и 37-го года ничего сделать нельзя. В картине отсутствовала бы атмосфера грядущей беды.

Даже если в наше время хороший артист и востребован, он мгновенно теряет силу и форму просто потому, что вынужден сниматься в бесконечной череде сериалов

Думаю, что пессимизм, о котором вы говорите, вызван прежде всего несовпадением моих творческих задач и убеждений с тем, что востребовано современным российским кино.

— А что служит для вас сейчас основным импульсом при намерении снять фильм?

— На нынешнем этапе — мысленные разговоры с отцом и матерью, непрерывный диалог с ушедшими

родителями. Я с ними общаюсь, советуюсь, спорю, даже пикируюсь. Может быть, в этом есть какие-то ностальгические моменты, не знаю. Я очень любил отца, и влияние его на меня всегда было колоссальным. Он был очень талантлив. Его повесть «Лапшин» — очень талантливая работа об одиночестве в 36-м году.

Я все время придумываю какое-то кино, у меня по этому поводу непрерывная головная боль. Например, «Окно в Париж». Это ведь я рассказал этот сюжет Мамину, и он снял фильм, а мне бутылку коньяка за этот рассказ поставил.

— Трудно быть Германом в нынешней России?

— Конечно, я не большой любитель продюсеров. Мне надо самому понять, хочу я снимать или больше не хочу. Каждая картина у меня сделана с мучениями и жуткими ударами в лоб и в сердце. Сдаешь картину, и тебя кладут на полку да еще при этом кричат, что идиот, дегенерат, выгоняют из студии, отбирают пропуск. Все это происходило и с «Проверкой на дорогах», и с «Лапшиным». С «Двадцатью днями без войны» тоже было довольно страшно, но тогда нам помог Константин Симонов — кандидат в члены ЦК. «Хрусталева» вроде бы был снят без угроз и ударов, однако и с ним возникли проблемы. Он практически так и не пошел в прокат. Конечно, в результате я стал такой модный, что известный французский кинокритик специально заворачивает в Петербург, чтобы пожать мне руку. Спасибо, но мне все же хотелось, чтобы фильм посмотрели, а у Министерства культуры не оказалось денег на копии картины. За Уральский хребет мы вообще не пробилась. Фильм показали по телевидению ночью по каналу «Культура» с прожженной сценой, где был еврейского мальчишка. Но при этом авторитетный французский киноведческий журнал включил «Хрусталева, машину!» в список 50 лучших фильмов за последние 50 лет. В принци-

пе ко мне хорошо относятся, я могу пожаловаться Путину или кому-то другому, но при этом мало что меняется. Возможно, что мы со Светланой вообще ограничимся сценарной работой, у нас много написанных и поставленных сценариев, мы неплохо пишем.

С годами становится все трудней. Ребята, с которыми я снимаю, работают со мной 20, а то и 30 лет. Они тоже стареют; они уйдут, а с другими мне не интересно. А пока же всюду гремят михалковские рапорты под гимн его папы о колоссальном подъеме российского кинематографа. Кстати, мне предложили на предпоследнем Московском международном фестивале награду за вклад в мировое кино. Официально позвонили предупредить. Однако я подумал-подумал, выразил благодарность и отказался. «Вы меня не любите, я вас не люблю, — сказал я, — ну зачем мы будем друг другу что-то дарить». Тем более, у меня таких премий много. ■

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Алексей ГЕРМАН-младший о своих впечатлениях от нового зарубежного проекта:

— На ретроспективе в Англии я не присутствовал, но до Лондона была точно такая же история в Италии, в Триесте. Там я был.

Мои итальянские прокатчики (в Италии весной выходит мой фильм «Гарпадум») сочли, что это хорошая идея: присоединить меня с моими двумя полнометражными картинами и тремя еще студенческими короткометражками к отцу. Но должен сказать, я чувствовал себя довольно странно: никогда еще не был в ретроспективе ни с кем, не то что с родителем. С одной сто-

роны, очень приятно. С другой стороны, все время казалось: попал случайно. Не говоря уж о том, что эта моя так называемая ретроспектива, думаю, самая короткая в истории кино.

Отца я считаю крупнейшим режиссером. И права стоять рядом с ним, мне кажется, еще не заслужил. Кинорежиссер — профессия индивидуальная, самолюбивая. Это был какой-то новый опыт с точки зрения понимания своего места в мире. Непривычный. Непривычное я всегда воспринимаю в штывы. Но тут, может быть, впервые действительно почувствовал то, что понимал и раньше и о чем всегда говорил, — ощутил себя частью семьи.